

КРЕПОСТЬ ИЗГНАННЫХ ДУШ

Ева Грей

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ева Грей

Крепость изгнанных душ

<https://litres.ru/74077391>

SelfPub; 2026

Аннотация

После предательства семьи и несправедливой казни Диана Астервуд получает второй шанс изменить свою судьбу. Вернувшись в прошлое, она решает больше никогда не быть жертвой и начинает путь к созданию государства, где происхождение не определяет ценность человека. Но чем больше растёт её сила, тем выше цена, которую придётся заплатить за свободу и власть.

Содержание

Глава	4
Глава 1 Жалость к себе - это не выбор	6
Глава 2. Вкус испорченного вина.	18
Глава 3. У монстров нет имён	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Ева Грей

Крепость изгнанных душ

Глава

Пролог

«Она не читала души, она видела трещины».

Над туманными скалами Асхарда занимался свинцовый рассвет. На вершине чёрной цитадели, чьи стены уходили высоко в облака, стояла Диана — великая Императрица Крепости изгнанных душ. Ледяной ветер трепал полы её бархатного Савана, но она не чувствовала холода. Её голову венчал серебряный венец — символ абсолютной и вечной власти.

Там, далеко внизу, расстилалось бескрайнее море из стали, имперских знамён и тысяч факелов.

Многотысячная армия, ведомая королём и наследным принцем, пришла к Проклятым Землям, чтобы уничтожить её город — убежище для каждого бастарда, изгнанника и нелюдя. Империя панически боялась Асхарда, ведь само его существование разрушало их вековой баланс власти по праву крови.

Диана спокойно опустила бездонный взгляд на передовой отряд, где на вороном коне сидел бледный принц. Он всматривался в силуэт правительницы, судорожно вспоминая тот

ужас, который пережил во время её ультиматума на королевском балу. Диана видела его трещины — сквозь мили тумана она ощущала, как принца и его отца-короля душил животный, удушливый страх от осознания собственного бессилия.

Из тени бесшумно вырос её первый советник

Иллион. Лекарь лениво положил руку на рукоять клинка, колыхающегося, словно живой чёрный дым, и тихо произнёс:

— Они ждут твоего приказа, Императрица. Король требует, чтобы ты склонила голову перед имперским престолом.

Чуть позади них замерли Кайл и Рейнар. Весь её орден «Призрачные клинки» ловил каждый вздох своей правительницы. Диана посмотрела на врагов, и её губы тронула живая ухмылка женщины, которая вернула себе душу.

— Законы империи ничего не решают в моих землях, — раскатистым эхом пронёсся её голос над

ущельем. — Корона думала, что девчонка-бастардка сломается. Пришло время показать, как наше королевство ломает их мир до самого основания.

Передай гвардии... Открыть огонь.

Она развернулась, и чёрный плащ скрыл её фигуру в наступающих сумерках, пока первые катапульты Асхарда со свистом обрушивали фиолетовое пламя на головы захватчиков. Спектакль, который она режиссировала долгие годы, наконец подошёл к своему финалу.

Глава 1 Жалость к себе - это не выбор

Холод пробирался под кожу медленно и мерзко, будто кто-то с особым удовольствием вгонял лёд прямо под рёбра. Колени давно онемели. Камень под ними был мокрым, шершавым и ледяным, а подол платья, пропитанный снегом, грязью и кровью, тяжело лип к ногам. Диана с трудом вдохнула и тут же поморщилась — рот снова наполнился металлическим вкусом. Кровь. Она сплюнула вниз и невольно усмехнулась. Когда-то это платье было почти красивым. Когда-то её волосы пахли маслами, а руки — чернилами и дорогой бумагой, а не грязью и засохшей кровью. Забавно, как быстро человека можно превратить в мусор.

— Подними голову, преступница.

Голос ударил резко. Диана медленно подняла взгляд и тут же почувствовала знакомое отвращение.

Толпа. Сотни лиц. Любопытные, жадные до чужой боли, возбуждённые, словно собрались не на казнь,

а на праздник. Кто-то шептался, кто-то смеялся, кто-то откровенно разглядывал её с мерзким интересом.

— Это она? Бастардка графа?

— Говорят, отравила лорда.

— И с врагами короны спала.

Диана едва не фыркнула. Ну конечно. Почему бы сразу не сказать, что она по ночам режет младенцев и разговаривает с демонами? Но большее всего была не толпа. Большее было другое. На возвышении стоял человек, который хотя бы ради приличия мог посмотреть ей в глаза. Граф Астервуд. Её отец.

Высокий, безупречно одетый, холодный, как зимнее небо. Он стоял спокойно, будто пришёл не на казнь собственной дочери, а на скучное представление.

Ни злости. Ни сожаления. Вообще ничего. И именно это ударило сильнее всего. Не ненависть. Безразличие. Такое привычное, что внутри стало мерзко. Диана горько усмехнулась. А чего она вообще ждала? Что он вдруг остановит всё?

Назовёт её дочерью? Скажет, что хватит? Смешно. Всю жизнь она была удобной ошибкой. Когда

нужно — виноватой. Когда выгодно — полезной. Когда опасно — чужой.

— По решению суда короны Диана Астервуд, незаконнорождённая дочь графа Астервуда, обвиняется в государственной измене, заговоре против короны и причастности к убийству лорда Эйдена Ревьера...

Голос глашатая разнёсся по площади, а толпа довольно загудела. Диана закрыла глаза. Красиво собрали. Даже талантливо. Измена, убийство, заговор. Почему бы не добавить ещё ведьмовство? Чего мелочиться. Самым отвратительным было даже не обвинение, а то, насколько идеально всё устроили. Слухи, поддельные письма, купленные свидетели, шё-

пот за спиной — верёвку затягивали месяцами, а она, как последняя дура, всё ещё пыталась объяснить, доказывать и верить, что сможет выкарабкаться. Потом прозвучал голос отца. Спокойный. Ровный. Будничный.

— Дом графа Астервуда не имеет отношения к действиям этой женщины.

Сердце ударилось о рёбра так резко, что стало трудно вдохнуть. Вот так? Серьёзно? Столько лет попыток заслужить хотя бы каплю внимания, столько унижений, проглоченных ради шанса быть замеченной — и всё? «Эта женщина». Даже не дочь. Даже не Диана. Просто мусор, который наконец решили вынести. Что-то внутри болезненно дёрнулось и вдруг сломалось окончательно. Не сердце. Что-то хуже. Последняя жалкая надежда, что однажды её всё же выберут. Диана неожиданно тихо рассмеялась. Хрипло. Почти зло. Потому что только сейчас до неё наконец дошло: её никто никогда не собирался спасти.

— Приговор привести в исполнение. Толпа оживилась. Кто-то засмеялся. Кто-то вытянул шею. Кто-то смотрел так жадно, словно ждал спектакль.

Диана медленно выдохнула. Сердце билось тяжело и глухо. Стражник рядом нервно дёрнул её за плечо, а она вдруг поймала себя на странной мысли: страшно. Поздно, нелепо, отвратительно страшно.

Но ещё сильнее внутри поднималось другое. Холодная, чёрная злость.

Если бы у неё был ещё один шанс... Она больше никогда не станет жертвой. Никогда больше не позволит кому-то решать её судьбу.

Прежде чем кто-то попытается сломать её — она сломает первой. Даже если ради этого придётся стать чудовищем. Чьи-то руки грубо подняли её вверх. Сердце ударило о рёбра. Раз. Ещё раз. А потом всё исчезло. Сначала Диана решила, что ослепла. Потом — что сошла с ума. Потому что вокруг не было ничего.

Ни неба. Ни земли. Ни ветра. Ни боли. Даже холод исчез. А вместе с ним исчезло и тело — или ей только казалось? Она попыталась вдохнуть и замерла. Воздуха не было. Но и задыхаться не получалось. Сердце больше не колотилось в груди. Не жгли разбитые запястья. Не ныла губа. После той боли тишина казалась почти издевательством.

Диана резко выдохнула и тут же зло усмехнулась.
— Серьёзно?

Голос прозвучал странно. Глухо. Будто растворился где-то рядом.

— Вот и всё? После всего этого — просто...ничего?

Ответа не было. Только вязкая темнота вокруг. И от этого вдруг накрыла злость.

Не красивая. Не трагичная. Настоящая. Грязная.

Та самая, которая приходит, когда тебя в очередной раз ломают.

— Прекрасно, — хрипло бросила она в пустоту. — Всю

жизнь дерьмо, смерть — тоже дерьмо. Отличный финал.

И вдруг рядом кто-то тихо усмехнулся. Низко. Спокойно. Настолько близко, что у неё всё внутри неприятно сжалось.

— Да. Финал и правда вышел посредственный.

Диана резко обернулась. Никого. Ничего. Только темнота.

Но ощущение чужого присутствия ударило мгновенно. Будто кто-то стоял вплотную и смотрел слишком внимательно. Слишком глубоко. Не на лицо. Внутрь. Туда, куда никого пускать нельзя.

— Кто здесь? — резко спросила она.

— Хороший вопрос. Голос прозвучал лениво, почти спокойно.

— Бог? Демон? Смерть? Или у меня уже окончательно поехала крыша?

Тихий смешок.

— Люди любят давать названия вещам, которых боятся.

— Очень полезный ответ, спасибо.

Диана скрестила бы руки, если бы вообще понимала, есть ли они у неё. Странно.

Страшно. И раздражающе.

— Тогда проще, — сухо сказала она. — Что тебе нужно?

На секунду всё будто стало тяжелее. Сам воздух. Если он здесь вообще был.

—Ничего.

Это прозвучало слишком быстро. И оттого — подозри-

тельно.

— Не верю.

— Разумно.

Снова этот спокойный голос.

— Но мне действительно ничего не нужно. Мне... любопытно.

Диана нахмурилась.

— Любопытно?

— Ты стояла на коленях. Преданная, униженная, сломанная. И всё же перед смертью выбрала не жалость к себе.

Голос стал тише. Ниже. Почти возле уха.

— Ты выбрала злость.

По спине пробежал холод.

— Я могу вернуть тебя назад, Диана Астервуд.

Она замерла. Мир будто качнулся. Назад? Нет. Бред. Невозможно.

— И зачем тебе это?

— Хочу посмотреть, что получится.

Как просто он это сказал. Будто речь шла не о человеческой жизни. Не о второй попытке.

— И какая цена?

Смешок. Тихий. Почти довольный.

— Люди всегда спрашивают о цене. Диане это уже начало бесить.

— Тогда спрошу проще где подвох?

На этот раз голос замолчал чуть дольше. А потом спокой-

но произнёс:

— Возможно, в тебе.

Что-то неприятно сжалось внутри.

— Если, чтобы больше никогда не стоять на коленях... тебе придётся стать чудовищем, — медленно произнёс голос, — ты правда сможешь?

Темнота будто приблизилась. Давила. Ждала. А Диана неожиданно поняла: её ответ сейчас решит всё.

Она вспомнила холодные глаза отца-графа. Вспомнила липкую грязь площади, толпу, жадную до её крови, и тупую, удушающую боль от несправедливого приговора. Вспомнила, каково это — быть просто удобной вещью, которую выбрасывают, когда она пачкается чужими грехами. Стать чудовищем? Чтобы больше никогда не чувствовать этот позор?

Диана медленно выдохнула. Внутри неё больше не осталось страха — только ровное, ледяное упрямство.

— Смогу, — тихо, но отчетливо произнесла она в пустоту.

— Если цена моей свободы — стать монстром, то я буду самым страшным из них.

Темнота вокруг довольно, оглушительно зашелестела, словно невидимое существо получило именно тот ответ, который ждало.

— Иди, Диана Астервуд, — прошелестел голос прямо у её лица, обдав холодом. И покажи мне свой финал.

В ту же секунду вязкий мрак взорвался ослепительной, болезненной вспышкой. И резкий, судорожный вдох бук-

важно разорвал ей легкие.

Диана подскочила на постели, инстинктивно хватаясь руками за шею. Голова была на месте. Кожа под пальцами — горячая, сухая, чистая.

Никакой плахи. Сердце колотилось в ребра как сумасшедшее, выбивая дикий, оглушительный ритм. Она испуганно огляделась. Это была её старая каморка на чердаке замка Астервуд. Сквозь щели в деревянных ставнях пробивался блеклый луч утреннего солнца, в котором лениво кружились пылинки. Одеяло из грубой шерсти кололо кожу.

Диана опустила взгляд на свои руки. Маленькие, худые, детские ладони. Без шрамов. Без кандалов.

Дверь с грохотом распахнулась, заставив её вздрогнуть. На пороге стояла старая служанка Марта, недовольно поджимая сухие губы:

— Чего разлеглась, девчонка? Живее! Граф требует тебя в свой кабинет. Приехал его новый советник, лорд Кристиан. Шевелись, нужно подать им вино.

Диана замерла, а внутри всё сковал тот самый знакомый, принесенный из темноты лед.

Ей снова было двенадцать. День, когда её персональный дьявол впервые перешагнул порог этого дома.

Диана медленно опустила ноги на холодный деревянный пол. Ощущения были слишком острыми. Ткань ночной рубашки колола плечи. В затылке всё еще стоял глухой отзвук топора. На губах остался привкус лимба.

«Возможно, подвох в тебе».

Слова неизвестного существа эхом отозвались в мыслях. Диана подошла к треснувшему зеркалу. Из мутного стекла на неё смотрела испуганная двенадцатилетняя девочка. Бледная. С тонкими ключицами. С огромными глазами. В них еще не было взрослой жесткости.

Диана коснулась пальцами зеркальной поверхности.

— Подвох во мне? — тихо прошептала она. Её губы тронула холодная, совсем не детская усмешка.

— О да. Они даже не представляют, какой подвох их ждет.

Она быстро натянула свое старое серое платье. Ткань была чистой. Никакой крови. Никакого талого снега площади.

Марта за дверь уже начинала злиться. Служанка громко стучала каблуками по коридору. Диана вышла из каморки. Она молча забрала из рук женщины тяжелый серебряный кувшин. Тяжесть металла приятно отрезвляла.

Каменная лестница вела вниз. В самое сердце замка Астервуд. В кабинет графа. В прошлой жизни Диана шла туда с замиранием сердца. Она судорожно повторяя в голове цифры отчетов. Ей хотелось заслужить хотя бы кивок отца.

Теперь её шаг был размеренным. Каждая ступень приближала её к врагам. К человеку, который хладнокровно подпишет ей смертный приговор. И к тому, кто подтолкнет его к этому решению.

Перед самой дверью Диана замерла на секунду. Закрывает глаза. Сделала глубокий выдох. Она стерла с лица любое

проявление ума или злости. Когда она распахнет дверь, они должны увидеть послушную сироту. Абсолютно безопасную. Удобную. Она толкнула тяжелый дубовый створ. В кабинете пахло дорогим табаком и сургучом. Граф Астервуд сидел за столом. Он просматривал бумаги. Отец даже не поднял головы, когда дочь вошла. Абсолютно то же ледяное безразличие, что и на плахе. А в кресле напротив сидел лорд Кристиан. Сейчас он был моложе. Намного моложе. Его камзол из темно-зеленого бархата сидел безупречно. Золотистые волосы были аккуратно уложены. Настоящий ангел. За его спиной прятались крылья стервятника. В этой временной точке он еще не успел уничтожить Диану. Он еще даже не знал, на что она способна. Кристиан лениво повернул голову на скрип двери. Он замер. Оценивающе разглядывал вошедшую девочку. Кристиан скользнул по ней взглядом. Медленно. Равнодушно. Точно так же породистые господа осматривают новую мебель или клинки перед покупкой. Диана плавно подошла к столу. Руки держали серебряный кувшин идеально ровно. Ни один мускул на её детском лице не дрогнул.

— Налей вина нашему гостю, Диана, — раздался голос отца.

Граф Астервуд даже не поднял на неё глаз. Его взгляд был прикован к бумагам. Полное ледяное ничто. Привычное. Знакомое. На плахе он говорил точно так же. Для него этот тихий детский шаг в комнате был не важнее шороха мыши под плинтусом. Диана наклонила кувшин. Тёмно-крас-

ная струя с тихим журчанием полилась в кубок Кристиана.

И в эту самую секунду её накрыло.

В затылке резко зашевелился холод из лимба. Воздух в кабинете внезапно стал густым, тяжёлым и липким, словно перед грозой. К горлу подступила тошнота. Диана почувствовала странный ментальный запах — запах гнили и застарелой фальши. Она посмотрела на Кристиана. Сила, принесённая из темноты, сработала мгновенно. Мир вокруг советника на долю секунды подернулся дымкой. Диана чётко, кожей ощутила его эмоциональную трещину. Животный, панический страх совершить ошибку и потерять доверие графа. Этот безупречный «ангел» в зелёном бархате внутри был параноиком.

— Ваша дочь на редкость аккуратна, милорд, — мягко произнёс Кристиан.

Его голос прозвучал вкрадчиво. Он улыбнулся Диане своей фирменной, располагающей улыбкой. В прошлой жизни она верила этой улыбке.

— И у неё удивительно спокойный взгляд для ребёнка, — добавил советник, прищурившись. Граф пренебрежительно перелистнул страницу отчета:

— Инструмент. Не более. Она умна, умеет молчать и считает цифры лучше моих писарей. Если понадобится для дела — используй её, Кристиан.

В прошлой жизни Диана разрыдалась бы от этих слов. Теперь она мысленно улыбнулась.

«Инструмент? Отлично. Но в этот раз этот инструмент перережет вам горло».

Кристиан сделал глоток вина и откинулся в кресле:

—Что ж, милорд. Раз так... У меня как раз есть для неё одно маленькое, но очень деликатное поручение. По поводу поставок зерна лорда Ревьера. Диана едва заметно сжала пальцы под серым плащом. Лорд Ревьер. Тот самый человек, в убийстве которого её обвинят через четыре года. Интрига, которая приведёт её к эшафоту, закручивалась прямо сейчас. В этой самой комнате.

Глава 2. Вкус испорченного вина.

Прошло три месяца. Замок Астервуд гудел, как разворуженный улей. Отец устраивал грандиозный зимний прием для высшей элиты империи. Приехали все: надменные герцоги, богатые купцы и, главное, королевский ревизор, от решения которого зависело, получит ли граф контроль над южными шахтами. Для лорда Кристиана этот вечер должен был стать триумфом. Это он три месяца готовил документы, плел интриги и зачищал хвосты, чтобы сделка состоялась. Диана стояла в углу огромного бального зала, одетая в простое форменное платье служанки. В руках — тяжелый серебряный поднос с бокалами дорогого южного вина. За эти месяцы отец ни разу не удостоил её даже взглядом. Она по-прежнему была для него лишь удобной тенью. И эта тень научилась пользоваться своей силой. Диана плавно лавировала между гостями, опустив голову. Магия лимба внутри неё больше не пугала

— она звенела, как натянутая струна.

Воздух в зале был удушливым от чужих тайн. Стоило Диане подойти к королевскому ревизору, как её магия трещин мгновенно выдала его секрет: этот старик панически боялся банкротства, его родовые земли были заложены, и он тайно брал взятки, чтобы покрыть долги. А рядом стоял ба-

рон Вейн — главный соперник графа Астервуда за южные шахты. Кристиан как раз подводил ревизора к отцу, сияя своей ангельской улыбкой. На подносе у другого слуги лежала запечатанная шкатулка — там были фальшивые долговые расписки, которыми Кристиан собирался шантажировать ревизора, чтобы вынудить его подписать договор в пользу Астервудов. Диана усмехнулась про себя. «Вы думаете, что продумали всё? Я сделаю десять шагов вперед». Она плавно пошла наперерез слуге со шкатулкой. Ловкое, едва заметное движение детской ноги — и слуга с грохотом летит на паркет. Шкатулка вылетает из его рук, падает прямо к ногам барона Вейна и раскалывается надвое. Фальшивые письма и документы веером разлетаются по полу. Барон Вейн лениво наклонился, поднял один из листков, вчитался... и его лицо исказилось от ярости.

— Что это значит, Астервуд?! — громовой голос барона перекрыл музыку. — Вы подделали бумаги моей семьи, чтобы подставить королевского ревизора?! Здесь моя поддельная подпись!

В зале повисла гробовая, звенящая тишина. Ревизор подбежал, вырвал бумаги, побледнел и смерил графа Астервуда взглядом, полным ледяной ненависти.

— Граф... Это государственная измена и шантаж должностного лица. Договора о шахтах не будет. Завтра же дело рассмотрит королевский суд.

Граф Астервуд впервые за много лет изменился в ли-

це. Его безупречная маска высокомерия треснула, обнажив глухую, слепую ярость. Он медленно повернул голову к Кристиану. Советник стоял белый как полотно. Его золотистые волосы прилипли ко лбу, губы дрожали. План, который он строил месяцами, рухнул за одну секунду из-за «случайно» упавшего слуги. Диана в этот момент уже стояла далеко в тени колонн, робко прижимая поднос к груди и испуганно хлопая глазами. Но внутри неё сила поглощения сделала резкий, жадный глоток. Она кожей почувствовала, как из Кристиана испарилась вся его спесь и уверенность. Он стал пустее. Слабее. Оболочкой самого себя. А вместе с его силой внутри Дианы притупилась еще одна эмоция — ей больше не было страшно. Ей стало абсолютно, кристально безразлично на гнев отца. Прием был сорван. Астервуды потеряли миллионы и репутацию. Ночью Диана сидела в своей камерке на чердаке, глядя на луну сквозь щель в ставнях. Холод разливался по венам. Она знала, что Кристиан не дурак. Он поймет, что слишком много «случайностей» происходит вокруг бастардки. Он попытается её убрать. Прямо сегодня. Тихий скрип половицы в коридоре подтвердил её мысли. Диана мгновенно вскочила. На ней уже был походный плащ, а под половицей лежал припрятанный кошелек с монетами, которые она успела выкрасть из казны отца во время суматохи. В дверь камерки резко вонзился стальной клинок, выламывая замок. За дверью стояли двое гвардейцев Кристиана с обнаженными мечами. Диана не стала кричать. Она рвану-

лась к узкому чердачному окну, выбила ногами трухлявые ставни и выпрыгнула наружу — прямо на покатую крышу замка. Стражники с руганью бросились за ней. Ночной зимний лес встретил её обжигающим ветром. Диана скользила по черепице, прыгнула на ветку старого дуба и кубарем покатила по заснеженной земле у подножия стены. Позади лаяли псы, кричали гвардейцы. Кристиан отдал приказ пустить её в расход. Она бежала сквозь чащу, ветки рвали лицо и одежду, легкие горели от ледяного воздуха. Погоня дышала в спину. Впереди показался обрыв — черная, ревущая горная река, бьющаяся о камни глубоко внизу. Диана остановилась на самом краю. Оглянулась. Из темноты деревьев уже выходили гвардейцы, беря её в кольцо.

— Сдавайся, крысеныш, — тяжело дыша, процедил капитан.

Диана посмотрела на него. На её губах появилась злая, безумная ухмылка взрослой женщины, которая уже умирала однажды.

— Больше никто и никогда не будет решать, жить мне или умереть, — тихо бросила она.

Она сделала шаг назад. И рухнула в ледяную, ревущую пустоту обрыва. Сначала вернулся слух. Но это был не грохот горной реки и не рёв толпы на площади. Тишина. Мягкая, глубокая, нарушаемая только ленивым потрескиванием дров в очаге. Диана резко расбахнула глаза и тут же попыталась вскочить. Тело мгновенно прошла такая острая, ослепля-

ющая боль, что она со стоном рухнула обратно на матрас. Лёгкие обожгло огнём. Каждое ребро выло от удара. Она судорожно огляделась, превозмогая тошноту. Никакого чердака. Никакого замка Астервуд. Это была небольшая, полутёмная лесная хижина. Пахло сушёной хвоей, горькими травами и чистым воском. Диана лежала на деревянной кушетке, укрытая тяжёлым, тёплым шерстяным одеялом. Её грязное серое платье исчезло — вместо него на ней была свободная, грубая белая рубаха, а все её ушибы и порезы были аккуратно перевязаны чистыми холщовыми бинтами. Она инстинктивно потянулась рукой к карману плаща... Плаща не было. Флакон с настоящим ядом Кристиана исчез. Украденный кошель с монетами тоже. Диана похолодела. Её единственное оружие, её козыри — пропали. Вдруг деревянная дверь хижины тихо скрипнула. В комнату вошёл мужчина, неся в руках глиняную миску, от которой шёл густой пар. Диана мгновенно подобралась, готовая защищаться даже сломанными ногтями, но стоило незнакомцу шагнуть в полосу света от очага, как она замерла. Высокий. Угловатый. Слишком бледная, почти прозрачная кожа. Длинные серебристые волосы были небрежно перевязаны кожаным шнурком, а из-под них торчали острые, изящные уши. Эльф. Нелюдь. В империи Астервудов их считали дикими монстрами, проклятыми существами, которых следовало держать в железных клетках или использовать как безмозглый рабочий скот на шахтах. Детям с пелёнок твердили: встретишь нелюдя в лесу — он

выпьет твою кровь. Эльф остановился, заметив её дикий, настороженный взгляд. Его глаза — неестественного, глубоко-го изумрудного цвета — смотрели спокойно и устало. Никакой агрессии.

— Не дёргайся, — голос нелюдя прозвучал низко, мягко и на удивление чисто. На человеческом языке он говорил без какого-либо акцента. — У тебя сломано два ребра, а левое плечо я едва собрал по кускам. Разойдёшься — я не стану зашивать тебя снова.

Он подошёл ближе и поставил миску на табурет возле её кушетки. В нос ударил резкий запах горького целебного отвара. Диана не сводила с него глаз. Её магия лимба, дремавшая в теле двенадцатилетнего ребёнка, мгновенно проснулась. Воздух в хижине остался лёгким. Никакой липкой гнили. Никакого удушливого запаха лжи. Наоборот, Диана кожей почувствовала его эмоциональную трещину. Но это был не страх потерять власть, как у Кристиана. И не ледяная пустота отца. От этого эльфа веяло глубокой, въевшейся в кости меланхолией и... одиночеством. Он был изгнанником.

— Кто ты? — хрипло, сорванным голосом спросила Диана, вжимаясь спиной в деревянную стену. — Где мои вещи? Где флакон?

Эльф лениво присел на край соседнего сундука и скрестил руки на груди.

— Я Иллион. Лекарь. Если тебе так проще — монстр, которым ваш граф пугает непослушных детей. Я нашёл тебя у

реки два дня назад. Вода выбросила тебя на камни, как дохлую рыбу. Твои вещи сушатся у печи. И твой синий флакон с лунным корнем тоже там. Как и кошель с золотом. Не переживай, я не трогал твои игрушки. Хотя для двенадцатилетней девчонки из благородного дома таскать с собой королевский яд — весьма оригинальное хобби.

Диана нахмурилась. Она ждала чего угодно. пыток, рабства, криков. Но этот нелюдь дал ей тепло, обработал её раны и сейчас общался с ней как с равной. Впервые за всю её жизнь — и в первой, и во второй попытке — кто-то спас её и ничего от неё не требовал. Ей не нужно было быть «полезной», чтобы выжить в этой избушке.

— Почему ты не сдал меня гвардии графа? — Диана прищурилась, вглядываясь в его изумрудные глаза. — За мою голову Кристиан наверняка назначил хорошую цену. Для изгнанника это шанс купить себе свободу.

Иллион вдруг тихо, горько рассмеялся. В его смехе звенел цинизм взрослого человека, который слишком много повидал.

— Купить свободу у людей? — эльф посмотрел на неё как на умалишённую. — Девочка, для твоего отца и его советника мы — куски мяса. Расходный материал. Если я приду к воротам твоего замка, меня сначала используют, чтобы узнать, где ты пряталась, а потом вздёрнут на ближайшем суку просто потому, что у меня острые уши. Ваша система не даёт свободы нелюдям. Она способна только жрать. Бум.

Слова эльфа ударили Диану прямо в цель. Расходный материал. Система способна только жрать. Она закрыла глаза, и в её мыслях с идеальной, пугающей чёткостью выстроился новый пазл. «Пока существует эта империя, пока дворяне правят по праву крови, они всегда будут искать тех, кого можно пустить в расход. Сегодня это нелюди. Завтра — бастарды вроде меня. Если я хочу выжить так хорошо, чтобы никто больше не мог решать мою судьбу... мне мало просто отомстить Кристиану. Мне нужно сломать сам баланс этой власти». Диана подняла глаза. В них больше не было детского испуга. Только холодная, зловещая зрелость.

— Иллион, — тихо, но так веско произнесла двенадцатилетняя девочка, что лекарь невольно вздрогнул. — Твои сородичи... их ведь много в этих лесах? Тех, кого выгнали. Тех, кого замучили на шахтах. Кто бежал от рабства.

Эльф нахмурился, чувствуя, как воздух в хижине внезапно стал холодным:

— Достаточно. А что?

Диана опустила ноги на пол, игнорируя дикую боль в рёбрах, и посмотрела на него в упор:

— Передай им, что у них появилась правительница. Я создам место, куда не дотянется ни один граф и ни один император. Место, где кровь и происхождение не будут стоить ничего. Но мне нужны твои знания. И мне нужны твои люди.

Иллион несколько секунд молча смотрел на двенадцатилетнюю девочку. В его изумрудных глазах удивление быстро

сменилось усталой, снисходительной усмешкой. Он качнул головой, взял миску с отваром и силой вложил её в худые ладони Дианы.

— Пей, «правительница», — язвительно выделил он последнее слово. — Тебе лихорадка в голову ударила. Место она создаст... Тебе двенадцать лет, ты едва дышишь, а за порогом этой избы рыщут ищейки Астервуда. Если они найдут нас, твоё «государство» закончится на ближайшем суку. Спустишься на землю. Единственное, что ты сейчас можешь — это сидеть тихо и не сдохнуть от воспаления лёгких. Диана посмотрела на тёмную, горькую жидкость в миске. Горло невыносимо сушило, но она не сделала ни глотка. Она медленно подняла взгляд на эльфа. Внутри неё снова зашевелилась сила лимба. Воздух между ними мгновенно стал плотным, тяжёлым. Иллион внезапно осёкся, его улыбка погасла. Он почувствовал, как от хрупкого ребёнка перед ним повеяло таким неестественным, могильным холодом, что у него по спине пробежали мурашки.

— Ты не веришь мне, потому что видишь перед собой ребёнка, — тихо, мертвенно-спокойным голосом произнесла Диана. — Но ты забываешь одну вещь, лекарь. Обычные дети не выживают после падения с обрыва в ревущую реку. И обычные дети не сбегают от личной гвардии графа, прихватив с собой его золото и королевский яд.

Она поставила миску на табурет и, преодолевая дикую боль в сломанных рёбрах, встала на ноги. Её покачнуло, но

она удержалась. Маленькая, бледная, в полуночной рубашке, покрытой сукровицей, она смотрела на высокого эльфа снизу вверх, но ментально — буквально давила его своей волей.

— Мой отец считает меня мёртвой. Кристиан уверен, что река перемолола мои кости. Это моё главное преимущество, — Диана сделала шаг к печи, где сушились её вещи, и вытащила из кармана плаща лакированный флакон. Синяя жидкость зловеще блеснула в полумраке. — Этот яд стоит целое состояние. Золота в моём кошельке хватит, чтобы купить еду и тёплую одежду для десятка твоих беглых сородичей на всю зиму. Но мне не нужны слуги, Иллион. Мне нужны те, кто умеет выживать вопреки системе. Эльф замер, замороженный и напуганный той трещиной одиночества и цинизма, которую Диана сейчас безошибочно вскрывала в его собственной душе. Он лечил её тело, но она сейчас препарировала его разум.

— Что ты хочешь сделать? — уже без прежней насмешки, глухо спросил он.

— Для начала — разведку, — Диана подошла к окну, всматриваясь в туманный лесной массив. — Кристиан совершил ошибку на приёме, и отец этого не простит. В замке сейчас начнётся тихая война за власть. Мне нужно знать каждый их шаг. Ты ведь ходишь в деревни за травами? У тебя есть связи среди нелюдей-слуг. Передай Кайлу — мальчишке-полукровке из прачечной, — что я жива. Он станет нашими глазами внутри замка.

Иллион тяжело выдохнул, потирая переносицу. Логика этой девочки была пугающей, безупречной и совершенно не детской. Он понимал, что ввязывается в безумие, но в то же время внутри него, изгнанника, впервые за много лет зазвучала опасная, злая надежда.

— Ладно, — процедил он, сдаваясь под её ледяным взглядом.

— Я передам весть. Но если ты соврала, и нас поймают... я лично скормлю тебя волкам. А теперь пей отвар и ложись. Нам понадобятся силы. Диана молча приняла миску и наконец сделала глоток. Жидкость обожгла горло, но внутри разлилось странное, непривычное тепло. Первый союз на этапе её выживания был скреплён. Диана сделала последний глоток горького отвара и вернула миску эльфу. Травяное тепло медленно поползло по венам, усыпляя бдительность измученного тела, но разум продолжал работать на пределе возможностей. Иллион молча забрал глиняную посуду. Его изумрудные глаза всё ещё косились на Диану с опаской. Он бережно, но настойчиво надавил ей на плечо, заставляя лечь обратно на кушетку.

— Отдыхай, — буркнул он, натягивая на неё шерстяное одеяло до самого подбородка. — Кайл из прачечной, говоришь? Ладно. Завтра на рассвете я отправлюсь к границе графских земель под видом продажи сушёной черники кухаркам. Попробую найти твоего мальчишку. Диана закрыла глаза, погружаясь в глубокий, целительный сон без сновидений.

дений. Прошло две недели. Лесная избушка Иллиона, спрятанная в самой глухой, туманной низине Чернолесья, стала для Дианы временным штабом. Сломанные рёбра затягивались удивительно быстро — то ли благодаря редким мазям эльфа, то ли тёмная магия лимба внутри неё ускоряла восстановление. Диана уже могла уверенно ходить и даже помогать Иллиону сортировать травы. Она училась. Ловко орудовать маленьким лекарским ножом, отличать смертоносный сок бледницы от успокоительного корня, варить противоядия. Каждое знание было кирпичиком в её будущую броню. На исходе второй недели Иллион вернулся из очередного похода к замку Астервуд позже обычного. На дворе уже стояла глухая, морозная ночь. Ввалившись в хижину, он тяжело сбросил с плеч промокший от талого снега плащ и подошёл к очагу, протягивая длинные, бледные пальцы к огню. Диана, сидевшая за столом над сушёным базиликом, даже не обернулась. Она просто почувствовала, как воздух в комнате мгновенно потяжелел. Магия трещин среагировала мгновенно

— Ты принёс плохие новости, — сухо, без вопросов констатировала двенадцатилетняя девочка.

Иллион обернулся, его лицо в полумраке казалось осунувшимся.

— Твой волчонок Кайл — умный парень. Я выловил его у задних ворот прачечной. Он передал тебе послание, Диана. Но оно тебе не понравится. Эльф достал из-под кожаного

го наруча крошечный, грязный обрывок пергамента, перевязанный суровой ниткой, и положил его на стол перед девочкой. Диана аккуратно развернула бумагу. Там не было букв — Кайл не умел писать. Но на куске кожи углем был криво выведен герб дома Астервуд, перечёркнутый тремя жирными линиями, а рядом — грубый рисунок кандалов.

— Что это значит? — Диана прищурилась, поднимая взгляд на лекаря.

— Это значит, что Кристиан устроил в замке настоящую резню, — глухо произнёс Иллион, присаживаясь напротив. — Твой отец-граф устроил советнику жесточайший разнос за провал с ревизором. Чтобы спасти свою шкуру и доказать верность, Кристиан объявил, что в замке действует целая сеть шпионов барона Вейна. И угадай, кого он сделал виноватыми?

Диана лениво откинулась на спинку стула. Её лицо оставалось каменным.

— Нелюдей.

— Именно, — процедил эльф, и в его глазах вспыхнула застарелая, злая ненависть. — Всех слуг-полукровок, гоблинов-чернорабочих и конюхов заперли в подвальных карцерах. Кристиан лично допрашивает их с пристрастием, пытаясь выбить признание в шпионаже. Твоего Кайла пока не тронули — за него заступился старый шеф-повар, которому нужен помощник, но это вопрос пары дней. Завтра Кристиан планирует публично повесить троих нелюдей на площади

замка, чтобы показать графу, что «угроза устранена». Иллион сжал кулаки так, что побелели суставы:

— Система снова жрёт моих сородичей, Диана. Из-за амбиций одного параноика-человека. Ты говорила, что ты их правительница? Ну так сделай что-нибудь. Или твои слова были просто бредом двенадцатилетней девчонки?

Диана молча смотрела на рисунок кандалов на грязном пергаменте. Внутри неё, в самом сердце, пугающе зашевелилась холодная, пустая тьма. Ей не было жаль тех троих нелюдей, которых завтра собирались вздёрнуть на виселице. Ей вообще больше не была знакома человеческая жалость — цена магии лимба притупляла эмоции с каждым днём. Но её разум работал как идеальный, безупречный часовой механизм. «Кристиан хочет выслужиться перед отцом, повесив невинных? Отлично. Пусть вешает. Но если эти нелюди умрут, замок окончательно поверит в его ложь, а Кристиан вернёт себе доверие графа. Мне это невыгодно. Мне нужно, чтобы Кристиан продолжал падать на дно. И мне нужны эти нелюди. Живыми. Они станут моим первым легионом». Диана медленно поднялась со стула. Она подошла к печи, взяла свой серый походный плащ, который уже полностью высох, и ловко накинула его на плечи. Из глубокого внутреннего кармана она достала тот самый лакированный флакон с настоящим лунным корнем. Синяя жидкость зловеще заиграла в отсветах пламени.

— Иллион, — ледяным, пустым голосом произнесла она,

затягивая ремешок плаща на шею.

— Хватит злиться. Злость без плана — это просто шум. Твои сородичи не умрут завтра.

Эльф удивленно вскинул брови:

— Что ты задумала? Мы не сможем напасть на замок вдвоём! Там полсотни гвардейцев!

Диана посмотрела на него в упор, и на её бледном детском лице появилась та самая пугающая, взрослая ухмылка кукловода:

— Нападают только глупцы, у которых нет ума. Мы сделаем иначе. Кристиан так сильно хочет найти яд и заговор? Что ж... Мы дадим ему этот заговор.

Прямо в его собственный кубок с вином. Собирайся, лекарь. Ночью мы возвращаемся в замок Астервуд. Через кухонный лаз.

Глава 3. У монстров нет имён

Лес дышал холодом и сыростью. Туман стелился по земле, цепляясь за голые ветви деревьев, словно пытался удержать их, не пустить обратно к замку. Но Диана шла уверенно. Иллион бесшумно двигался следом, его длинный тёмный плащ полностью скрывал эльфийские уши и серебристые волосы. В руках он нёс небольшую кожаную сумку с лекарскими инструментами, но сейчас эти инструменты предназначались не для лечения. Замок Астервуд вырос из темноты огромной, зловещей каменной глыбой. В окнах верхних этажей, где располагались покои графа и Кристиана, ещё тускло горели факелы. Диана остановилась у старой деревянной двери кухонного хода, полускрытой за грудой пустых бочек из-под эля. Сердце в груди билось ровно. Боль в рёбрах притупилась, уступив место ледяной концентрации. Она аккуратно толкнула дверь. Та была заперта изнутри на тяжёлый железный засов. Диана не удивилась — Кристиан после провала на приёме усилил охрану. Она трижды тихо постучала по нижнему краю дубовой доски. Сначала повисла мёртвая тишина. Диана подождала пару секунд и повторила стук, добавив один резкий удар в конце. Этот знак они с Кайлом обсудили ещё три месяца назад, когда она отправляла его шпионить на кухню. Внутри замка послышался осторожный, шаркаю-

щий шорох. Железо тихо звякнуло, засов медленно пополз в сторону.

Дверь приоткрылась на ширину ладони. Из тёмной щели пахнуло кислым тестом, сыростью и застарелым жиром. На Диану уставился испуганный, дикий янтарный взгляд. Кайл. Мальчик-полукровка прерывисто выдохнул, его острые уши под капюшоном дёрнулись. Он не верил своим глазам. В замке все — от графа до последнего конюха — были уверены, что бастардка разбилась о камни в горной реке. А теперь она стояла перед ним. Живая. Бледная, как призрак, со стальной решимостью в глазах.

— Леди Диана... — хрипло прошептал он, пятясь назад и пуская их внутрь. — Вы... вы вернулись. Зачем? Если Кристиан узнает, он убьёт вас прямо здесь. Он совсем сошёл с ума после того приёма. Диана скользнула внутрь кухни, Иллион бесшумно закрыл за ними дверь и вернул засов на место. В помещении было темно, только угли в огромной печи едва тлели, отбрасывая багровые отсветы на медные кастрюли.

Диана повернулась к Кайлу и мягко, но властно положила руку ему на плечо. Её пальцы были холодными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.